

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 902/904

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-48-62

ОСОБЕННОСТИ ФОРТИФИКАЦИИ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

Коваль В. Ю.¹, Николаева Н. А.²

¹ *Институт археологии Российской академии наук
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Российская Федерация*

² *Московский государственный областной университет
1414014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Дать общую характеристику фортификации типичного «малого города» средневековой Руси Ростиславля Рязанского.

Процедура и методы. На основе анализа материалов многолетних раскопок предпринято построение гипотез о хронологии оборонного зодчества в городе и внешнем виде фортификационных сооружений.

Результаты. Выявлены основные этапы строительства оборонительных сооружений города, установлена их датировка, набор элементов фортификационных конструкций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволило впервые дать целостную характеристику фортификации «малого города», проследить динамику в этом строительстве, периоды расцвета и деградации. Важное место занимает критика устаревших представлений о древнерусском оборонном зодчестве, на место которых предложены современные разработки о валах как руинах древо-земляных стен.

Ключевые слова: археология, фортификация, средневековая Русь, древо-земляная стена, вал, ров

FEATURES OF THE FORTIFICATION OF THE TOWN OF ROSTISLAVL RYAZANSKY

V. Koval¹, N. Nikolaeva²

¹ *Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences
19 Dmitriya Ulyanova ul., Moscow 117292, Russian Federation*

² *Moscow Region State University
24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To provide a general description of the fortifications installed in a typical small town of medieval Rus – Rostislavl Ryazansky.

Methodology. Based on an analysis of materials obtained during long-term excavation projects, hypotheses about the chronology of town defence architecture and the appearance of fortifications in the town under study were formulated.

Results. The main stages in the construction of the town's defensive structures were identified, along with their dating and the set of fortification elements.

Research implications. For the first time, this study allowed a comprehensive description of fortifications in a small town, characterizing the dynamics of this process and the periods of prosperity and degradation. An important part of this study is a criticism of outdated ideas about Old-Russian defence architecture, in the place of which modern developments on ramparts as the ruins of timber-and-earth walls were proposed.

Keywords: archaeology, fortification, Medieval Russia, timber-and-earth wall, rampart, ditch

Введение

Городище Ростиславль (Озёрский район Московской области), являющееся остатками летописного Ростиславля Рязанского, изучается экспедицией Института археологии РАН на протяжении четверти века (начальник экспедиции В. Ю. Коваль), причём почти всё это время в исследованиях участвовали студенты исторического факультета Московского государственного областного университета (руководитель археологической практики Н. А. Николаева). В ходе исследований изучены различные аспекты материальной культуры этого города, в том числе и его фортификация.

Ростиславль Рязанский был основан в 1153 г. и прекратил своё существование в качестве города в начале XVII в. [4], хотя место его не было заброшено в Смутное время, а продолжало использоваться – тут находились церковь с окружавшим её кладбищем и пункт сбора мытной пошлины. Лишь с XVIII в. церковь была переведена на другое место, в стороне от города, дав начало Погосту Ростиславль, просуществовавшему до 1937 г., а территория бывшего города пришла в полное запустение и стала распахиваться крестьянами. Всё это время площадка городища и его укрепления постепенно разрушались, так что ко времени начала постоянного археологического изучения Ростиславля в 1991 г. она существенно изменилась даже по общей топографии.

В эпоху средневековья Ростиславль являлся одним из важных центров Рязан-

ского княжества, в XVI в. он выполнял роль центра стана в составе Рязанского уезда. В письменных источниках о фортификации города нет никаких сведений, имеются лишь скудные известия об основании города в 1153 г., о том, что в 1320 г. здесь правил удельный князь Иван Ростиславльский, а в 1342–1344 гг. здесь временно находилась резиденция Великого Рязанского князя (столицей княжества являлся Переяславль Рязанский, ныне г. Рязань). Последние исследования на городище привели к открытию следов крупной жилой постройки («дворца») с обширным погребом, которая могла принадлежать либо князю, либо, что более вероятно, крупному чиновнику ордынской администрации. Совершенно очевидно, что такой городской центр уже в XII в. должен был иметь какие-то укрепления, а в XIV в. эти укрепления должны были быть достаточно мощными, раз этот город использовался в качестве княжеской резиденции.

Ростиславльское городище размещается на мысовидном выступе платообразной равнины правого берега р. Оки на высоте около 40 м над современным уровнем реки. Его площадка образована крутым склоном, обращённым к Оке и глубоким древним оврагом, впадающим в Оку. От оврага до склона к Оке проходят вал и ров, формирующие треугольную площадку длиной 350 м при ширине 150 м (соответствует длине вала и рва). Таким образом, Ростиславль представлял собой типичнейшее мысовое городище, имев-

шее площадь в пределах 2,5 га. Вал высотой 3–4 м с шириной основания 14–16 м не отделён от рва бермой, глубина рва до 2 м, ширина около 15 м. В валу имеются два разрыва (проёма), разделяющих его на 3 отрезка. На столь незначительный фронт обороны 2 прохода, конечно, избыточны, но даже один проём в валу является необычным для крепостей такого плана: обычно проход в крепость оборудовался на одном из краёв оборонительной линии.

Кроме того, в мысовой части городища размещается ещё один вал, который, как показали наши раскопки, возник в эпоху раннего железного века, но использовался и в период существования Ростиславля. Никакого прохода в этом валу нет, так что проникнуть на мысовую площадку напрямую с остальной территории города было невозможно.

До начала масштабных раскопок Ростиславльской экспедиции о его фортификации можно было судить только по внешнему виду валов. Никаких данных о времени создания этих сооружений не было. Согласно сформировавшейся ещё в конце XIX в. концепции валы средневековых русских городов рассматривались в качестве специально созданных насыпей, на гребнях которых воздвигались деревянные полые стены. Открывавшиеся внутри валов остатки деревянных конструкций воспринимались как некие структурирующие насыпь элементы. Исследования последней четверти XX в., проводившиеся на современном научно-методическом уровне, позволили Г. В. Борисевичу и Ю. Ю. Моргуну разработать новую концепцию, согласно которой валы русских городов являются руинами древо-земляных стен, составленных из бревенчатых срубов, заполненных землей [2, с. 97; 9]. С этой точки зрения важно было понять, что же собой представляют валы Ростиславля.

Фортификационные сооружения Ростиславля исследовались экспедицией, начиная с 1995 г. Прорезка вала и рва на главной оборонительной линии города

проводилась в 2004–2008 гг., позже изучался западный проём в валу (2011 г.), западный, обращённый к Оке, его край (2014–2017 гг.) и главный вход на эту площадку (с 2017 г. по сей день). Кроме того, осуществлена прорезка вала в мысовой части городища (2004–2009 гг.) и эскарпов по её склонам (2010, 2011, 2015, 2016 гг.). Наконец, осуществлялось изучение оборонительной линии по восточной (обращённой к оврагу) стороне площадки (1995–1997, 2013 гг.) и поиск следов такой линии на склоне, обращённом к Оке (2011, 2019 гг.). Материалы этих исследований постоянно публиковались [3; 5–8]. В результате к сегодняшнему дню удалось собрать некоторые данные о времени возникновения городских укреплений, их конструкции, трансформациях и прекращении функционирования. К сожалению, не все вопросы тут одинаково хорошо обеспечены добытыми археологическими источниками, однако сегодня уже можно делать определенные выводы на эту тему.

Городская стена

Прежде всего, прорезками вала по главной линии обороны города установлено, что этот вал не являлся насыпью, а представляет собой руины древо-земляной стены, подвергавшейся перестройкам. Дело в том, что на разных уровнях были зафиксированы чёткие следы прямоугольных структур с различного цвета грунтом, а также полости от истлевших брёвен (часто эти полости были заполнены грунтом иного цвета, нежели окружающий). Все эти признаки идентичны характеристикам остатков городней, из которых слагались стены древнерусских крепостей. Под «городнями» здесь понимаются состыкованные в ряд бревенчатые срубы, внутренний объём которых заполнен землей, в соответствии с терминологией, предложенной в свое время Ю. Ю. Моргунувым [9, с. 47]. Аналогичное строение имело не только большинство стен средневековых городов Руси [9], но и древо-земляные стены городов

Центральной Европы [10, кер. 226, 230, 240, 248; 11, кер. 152].

Под руинами стены (с этого момента так и будем называть данный «вал») выявлены следы пашни, предшествовавшей строительству, в которой встречены мелкие обломки керамики домонгольской эпохи. При этом в разрезе на восточном

фланге стены (рис. 1, № 1) поверх пашни фиксировалась угольная прослойка, оставленная, вероятно, выжиганием растительности перед началом строительства. Радиоуглеродное датирование образцов из этой прослойки позволило относить возведение стены не ранее чем к концу XIII в. [3, с. 78].

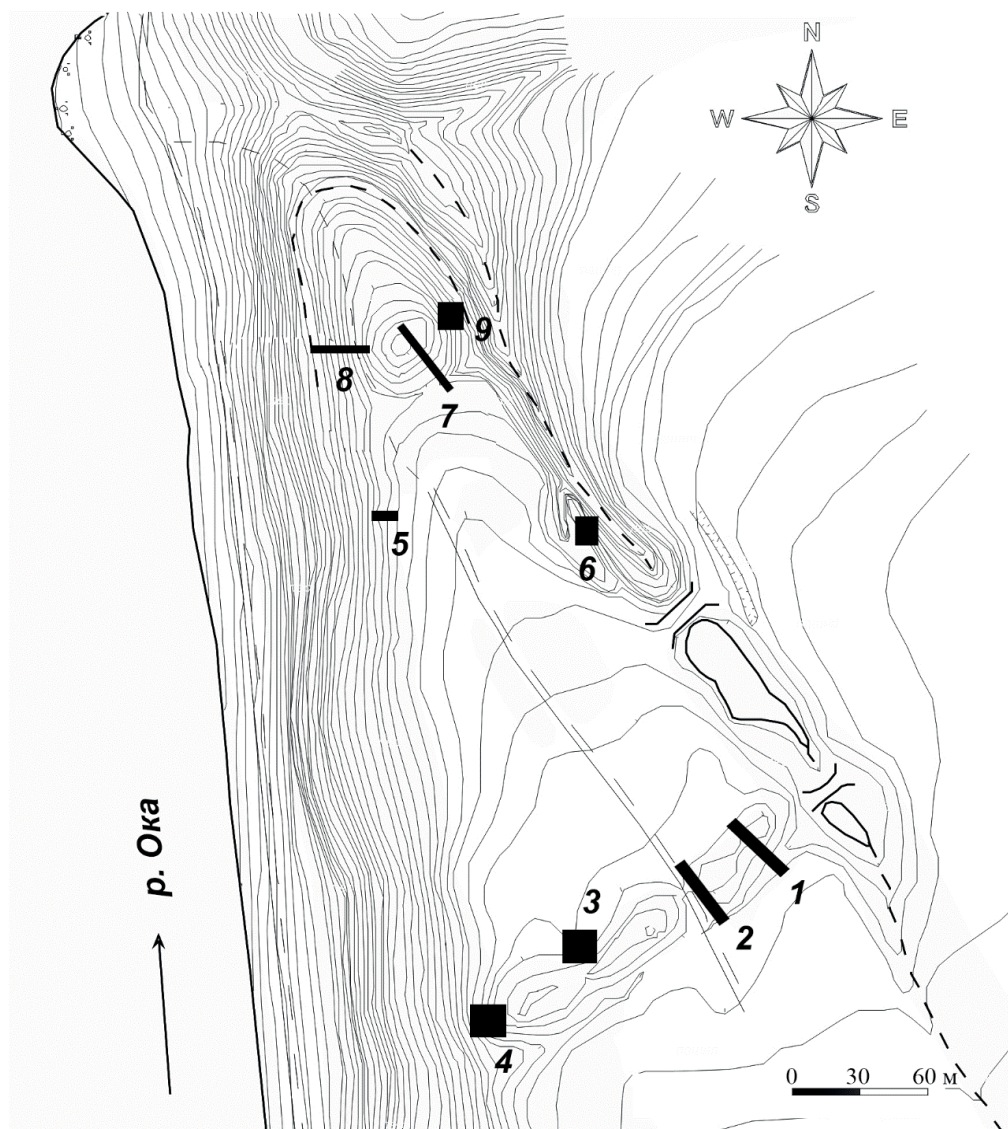

Рис.1 / Fig. 1. Схема городища Ростиславль с указанием мест проведения исследований и поиска фортификационных сооружений (по тексту изложения) / The layout of the Rostislavl hillfort with the sites of research and search for fortifications (according to the text)

Источник: данные авторов

При подготовке первой публикации о главной линии обороны Ростиславля в её строительстве были выделены 4 этапа [3], однако результаты последующих исследований заставляют сократить их число до трёх. Первый этап с самого начала вызывал сомнения, поскольку к нему в своё время были предположительно отнесены только нижние 30–50 см заполнения обнаруженных городней, состоявшие из почвенных грунтов серого цвета. Данные новой прорезки вала (рис. 1, № 2) показали, что в других местах такого стратиграфического контекста не обнаруживается. Следовательно, те прослойки, которые ранее принимались за следы стены первого этапа, в действительности были просто нижней частью заполнения городней исключительно на одном только этом участке. Судя по разрезу, ширина первого ряда городней стены составляла не менее 5 м, второго ряда – 3 м, а общая ширина стены достигала 8 м (рис. 2, 1, 2). Высота стены не могла быть ниже 2 м, это минимальная высота таких сооружений, чтобы служить преградой для пеших и конных воинов [9, с. 71, 95–99]. Ров первого этапа реконструируется по «ступеньке» с уплощённым дном, сохранившейся в правой части разреза рва (рис. 2, 1). В этом случае ширина этого рва составляла 8 м, а глубина – около 2,5 м. Таким образом объём грунта, вынутый из рва совпадал с объёмом городней стены первого этапа¹. Перепад между дном рва и вершиной заборол (парапета по верху городней) в этом случае мог достигать 6 м.

Таким образом, на первом этапе была создана чрезмерная по толщине, но небольшая по высоте стена. Разумеется, допуская ещё большую ширину рва, можно предполагать и более высокую стену, однако профиль вала не даёт оснований для такого варианта реконструкции, поскольку после разрушения стены этапа 1 образовалась осыпь высотой не более 2

м. Если бы первоначальная стена была более высокой, то выше был бы и гребень этой осыпи.

Перестройка первоначальной стены города могла потребоваться из-за того, что между нею и краем рва была оставлена слишком узкая берма, которая начала осыпаться, тем самым лишая опоры внешний панцирь стены. На такой сценарий развития событий указывают некоторые особенности разреза (рис. 2, 1), на котором видно, что заполнение городней со стороны рва обрывается, причём в этом месте край рва имеет выемку, оставленную, вероятно, случившимся обвалом грунта. На дне же первоначального рва видны прослойки материкового суглинка, отложившиеся в результате такого обрушения (рис. 2, 2). Вероятно, в ходе строительства первоначальной стены были допущены ошибки – склон рва ничем не укреплен, а берма между рвом и стеной была слишком узкой или же вообще отсутствовала. Поэтому довольно скоро после постройки стены потребовалась её полная перестройка.

Эта перестройка началось с частичного разбора деревянной обшивки городней и расширения рва, дно которого маркируется ещё одной, более глубокой «ступенькой» с почти плоским, слегка наклонённым в напольную сторону, дном шириной до 4 м (рис. 2, 1, 3). При этом полученный из рва грунт был использован не столько для увеличения высоты стены, сколько для наращивания её толщины в напольную сторону – приём, редко встречающийся в древнерусской фортификации. Для этого были применены трёхстенные срубы, опущенные почти на самое дно рва предыдущего этапа. Нижняя часть этого рва уже была частично засыпана, поэтому для срубов были выкопаны специальные канавы шириной 25–40 см: для продольных брёвен лицевого панциря стены такая канава была проведена по склону присыпанного рва, а для поперечных брёвен сделаны ступенчатые врезки-канавки в склон рва на

¹ Сравнение удобно проводить, используя площади поперечных сечений рва и стены.

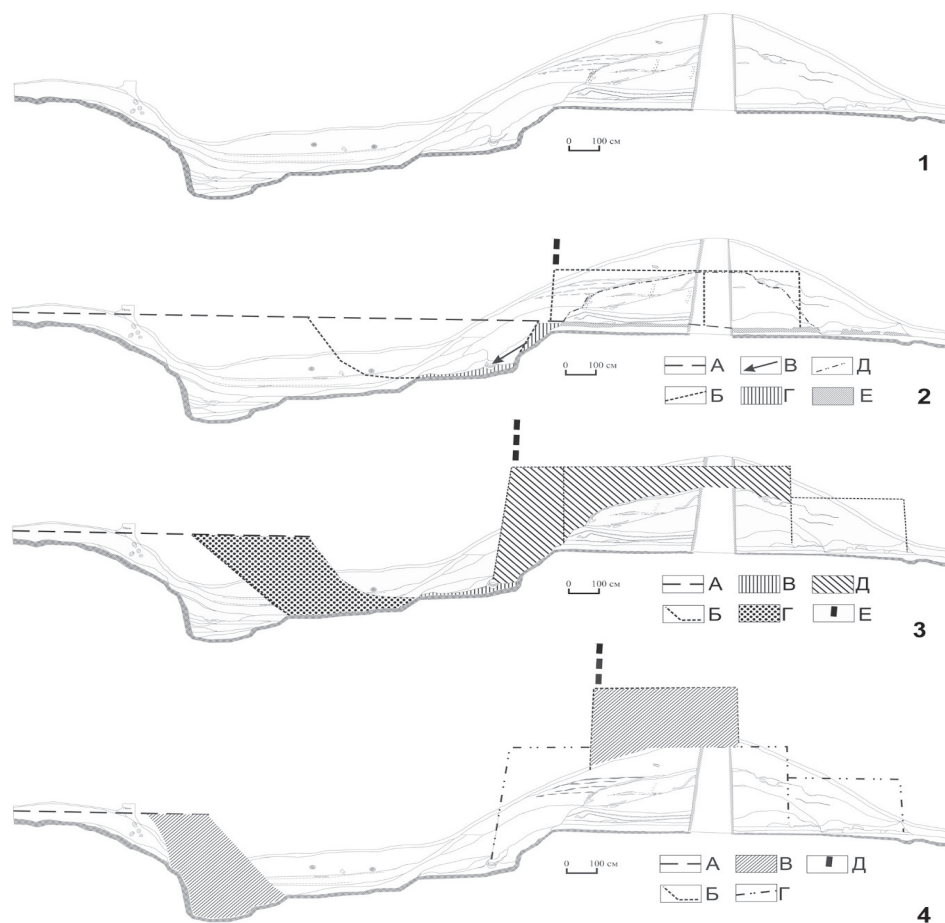

Рис. 2 / Fig. 2. Разрез вала и рва Ростиславля в раскопе 2004 – 2007 гг. (рис. 1, № 1).

1. Разрез по юго-западной стенке траншеи. 2. Реконструкция стены этапа 1 (А – горизонт древней дневной поверхности, Б – контуры рва и границы городней, В – направление обрушения края рва, Г – грунт обрушения, Д – контур руин стены первого этапа после частичного разбора городней; Е – пахотный горизонт под стеной). 3. Реконструкция стены этапа 2 (А – горизонт древней дневной поверхности, Б – контуры рва, городней и пустотелых клеток этапа 2, В – грунт обрушения, оставшийся на дне рва, Г – грунт, изъятый при расширении рва, Д – заполнение городней этапа 2, Е – заборолы). 4. Реконструкция стены этапа 3 (А – горизонт древней дневной поверхности, Б – контуры городней этапа 3, В – грунт, изъятый при расширении рва и перемещённый в городни, Г – контуры городней и клеток этапа 2, Д – заборолы) / A section of the rampart and ditch of Rostislav in the 2004 – 2007 excavation. (fig. 1, no. 1). 1. A section along the southwest wall of the trench. 2. Reconstruction of the wall of stage 1 (A – the horizon of the ancient surface, Б – the outlines of the ditch and the gorodnies, В – the direction of the collapse of the ditch edge, Г – the collapse earth, Д – the outlines of the ruins of the stage 1 wall after partial dismantling of the gorodnies; Е – arable horizon under the wall). 3. Reconstruction of the stage 2 wall (A – the horizon of the ancient surface, Б – the outlines of the ditch, gorodnies and hollow frames of stage 2, В – the collapse earth remaining at the bottom of the ditch, Г – earth removed during the ditch expansion, Д – filling of the gorodnies of the stage 2, Е – fence). 4. Reconstruction of the stage 3 wall (A – the horizon of the ancient surface, Б – the outlines of the stage 3 gorodnies, В – the earth removed during the ditch expansion and moved to the gorodnies, Г – the outlines of the gorodnies and frames of stage 2, Д – the fence)

Источник: данные авторов

глубину (по горизонтали) около 1 м. Сама древесина этих конструкций не сохранилась и была замещена жёлтым суглинком [3, рис. 2, 4]. На уровне древней дневной поверхности были выявлены и следы продольных брёвен, лежавших на краю старого рва [3, рис. 5, I-б]. Это значит, что, достигнув уровня древней дневной поверхности, трёхстенные срубы становились четырёхстенными, шириной около 3 м. Новый внешний ряд городней в стене этапа 2 зафиксирован не только по следам брёвен, но и по разнице в цвете заполнения городней новопостроенной линии [3, рис. 2, В; 3; 4; 5, I]. Размеры второго ряда городней установить в этой прорезке не удалось, однако при исследованиях западного края стены размеры одной из городней составляли 5,4 м в длину на 3,3 м в ширину [7, с. 127]. При этом данная городня стояла на самом краю склона, а внутри стены могли размещаться городни с гораздо большей шириной. Таким образом, крупные городни применялись не только в первоначальной стене, но и при её первой перестройке.

Кроме обновления напольной стороны стены, с её тыльной стороны был пристроен ряд пустотелых клеток, на полу которых отложился небольшой по мощности культурный слой, включавший кости животных и керамику первой половины XIV в. При исследованиях 2017 г. в одной из таких клеток поверх отложившегося на её полу культурного слоя была найдена серебряная золотоордынская монета «дирхем», чеканенная ханом Узбеком в 1339/1340 гг. Поскольку на то, чтобы на полу клеток отложился какой-то (кстати, весьма незначительный по толщине) слой, требовалось время, ясно, что монета попала сюда далеко не сразу после строительства. Но она могла выпасть в этот слой значительно позже времени чеканки. Таким образом, для получения точной даты строительства стены этапа 2 эта находка даёт мало. Однако она однозначно указывает на то, что эта стена функционировала в XIV в., вероятно,

ближе к середине этого столетия. Попытки поиска более точной даты с опорой на такой источник нельзя считать оправданными.

В результате перестройки стена вряд ли существенно прибавила в высоту (вряд ли более 3 м), но её толщина увеличилась до 10 м за счёт наращивания ещё одной линии городней, спущенных вниз по склону рва. Тем не менее перепад высот от дна рва до вершины стены с учётом заборол стал достигать 7–8 м. Не известно, как долго простояла эта стена, но в какой-то момент, очевидно, ещё на протяжении XIV в., она пришла в негодность и вновь потребовала перестройки.

После разборки деревянных облицовок стены этапа 2 и обрушения заполнения городней, её руины приобрели вид вала с довольно пологими склонами, на вершине которого была возведена стена этапа 3. Хотя никаких конкретных следов этой последней стены не сохранилось (ни в виде древесного тлена, ни в виде иных конструктивных элементов), она может быть реконструирована исходя из наличия рва, выкопанного на самом последнем этапе ремонта фортификации. Объём грунта, вынутого из этого рва, примерно равен объёму материкового суглинка, составлявшего последнюю, самую позднюю по времени появления, прослойку в теле вала, которая перекрыла и полые клетки, пристроенные к тыльной стороне стены на этапе 2. Если подсчитать объём грунта этой прослойки, то он и должен примерно соответствовать размерам городней, поставленных на вершине валообразных руин прежней стены: шириной до 5 м и высотой 3,6–4,0 м.

При этом ров был отодвинут ещё дальше в напольную сторону и его общая ширина доведена до 10–12 м. Новая выемка во рву имела глубину более 4 м (от внешнего края) и ширину в своей самой глубокой части около 2 м, причём его внешняя стенка была, видимо, вертикальной. Рвы такого сечения до сих пор не были известны на территории Руси

для периода XIV–XVI вв., однако это может объясняться не особенностями Ростиславльской крепости, а лишь тем, что разрезы рвов древнерусских крепостей проводятся крайне редко и не всегда с прокапыванием дна, на котором всегда много грунтовых залывов. Поэтому возможно, что рвы, подобные ростиславльскому, существовали и у других городов, но они не были выявлены в узких траншеях, которыми ранее обычно изучались эти сооружения. Перепад отметок между вершиной стены этапа 3 (с учётом забора) и дном нового рва мог достигать уже 10 м, т. е. максимального значения за всю историю главной оборонительной линии Ростиславля.

Продолжительность функционирования стены этапа 3 неизвестна, но она могла достигать полувека, поскольку разрушение этой стены произошло, скорее всего, из-за того, что древесина городней истлела, а это привело к рассыпанию содержавшегося в них грунта и его оползанию как в напольную сторону (на дно рва), так и в сторону площадки городища. В результате этого и сформировался «правильный» полукруглый профиль видимого сегодня вала. Таким образом, после разрушения стены этапа 3 оборонительные сооружения Ростиславля более не возобновлялись.

При прорезках в восточной части вала (рис. 1, № 1, 2) не было зафиксировано никаких углей (кроме упомянутых выше углей под стеной первого этапа) или следов прокала грунта под воздействием огня, а это позволяет утверждать, что стены Ростиславля не горели. Однако на западном краю стены всё же была обнаружена прослойка с углями и кусками обожженной глины, отложившаяся после разрушения стены третьего этапа [8, с. 119, 120], следовательно, хотя бы один пожар (может быть, локальный?) на этой стене имел место в финале её существования.

Входы в крепость

Поиск входа в крепость потребовал многолетних усилий. Прежде всего, был изучен проём между западным и центральным отрезками вала (рис. 1, № 3), который имел по низу ширину 2 м, причём его нижняя точка находилась на 0,5 м выше уровня основания вала. Врезкой в северную полу вала были выявлены следы от бревна городней стены этапа 2. Это позволило сделать вывод о том, что в этом месте изначально существовала обычная стена. Проход в стене мог быть образован только разрывом в ряду городней, а раз его тут не было, то, значит, не имелось и воротного проёма. Следовательно, лишь после того, как стена превратилась в руины (вал), тут мог быть прокопан такой проём. Строго напротив проёма, к северу от него, были исследованы остатки крупной постройки типа овина, которая полностью перегораживала бы проход из проёма в валу на площадку города. По сопутствующему материалу постройка датировалась XIV в., т. е. тем временем, когда стена 2 раза перестраивалась, т. е. использовалась максимально активно [6, с. 19, рис. 4]. Значит, прокоп в валу был сделан позже (не ранее второй половины XV в.), когда плотность застройки в городе существенно сократилась, а оборонительные сооружения пришли в упадок. Тем не менее назначение этого прокопа остаётся неясным.

Разрыв между центральным и восточным отрезками вала составляет 4,5 м (по линии подножия валов) и именно здесь проходит современная грунтовая дорога внутрь городища. Столь большая ширина этого проезда удобна для перемещения современного автотранспорта, но чрезмерно велика для средневековых воротных проёмов в стенах городов, которые даже в крупных городах с деревоземляными стенами (например, Минске) не превышали 3 м. На протяжении 3 лет тут исследовался край восточного отрезка вала (рис. 1, № 2). Оказалось, что

он был сильно повреждён перекопами, в которых встречены мелкие обломки белоглиняных горшков коломенского типа, датирующихся не ранее XVI в. Вероятно, перекопы эти были сделаны уже в XVII в., когда городище было заброшено и валы могли уже восприниматься в качестве «курганов», в которых русские крестьяне нередко проводили поиск кладов. Интересно, что перекопы не стояли долгое время под открытым небом, а были засыпаны тем же грунтом, какой из них был выброшен. Для того, чтобы вырыть тут кладоискательские ямы, место должно было быть чем-то примечательным. Нельзя исключать того, что тут всё же был в древности край стены (превратившейся позже в вал), но, к сожалению, перекопы и современная дорога стерли всякие следы конструкций, которыми такой край мог быть оформлен. Тем не менее, несмотря на повреждения перекопами, здесь зафиксированы следы от городней стены этапа 2 и заполнение городней стены этапа 1. Следовательно, существенных конструктивных отличий в стене города на этом участке от ранее изученного не обнаружено.

Подвергся внимательному изучению и западный край всей линии стен, упиравшийся в склон, обращённый к Оке (рис. 1, № 4). У городищ мысового типа, подобных Ростиславльскому, именно в этом месте обычно и организовывался въезд на площадку. Это соответствовало требованиям фортификации, поскольку атакующий противник должен был приближаться к такому месту, будучи обращён к стене правым, не защищённым щитом боком. Проведённые раскопки показали, что непосредственно на краю площадки тут никакого прохода не было – вместо него выявлены следы городней стены этапа 2 (внешнюю часть вала с остатками стены этапа 1 тут исследовать было невозможно из-за лесной растительности). Оказалось, что стена тут делала поворот под прямым углом и городни, забитые грунтом, продолжались вдоль края скло-

на [7; 8]. Правда, установить, как далеко простирались такие городни, было невозможно, так как край площадки в этом месте был сильно повреждён эрозией ещё в древности. Трудно допустить, однако, что протяженность этого участка стены была сколько-нибудь значительной. Под городнями выявлены следы ограды типа намёта с большими ямами от вертикальных столбов, протянувшегося вдоль склона. Эта более легкая ограда могла быть связана со стеной этапа 1. Вероятно, даже такой оградой было достаточно для эффективной обороны крутого склона, расположенного под ней.

Проведенная вниз по склону траншея позволила выявить на 5–6 м ниже края площадки городища вырезанную в склоне выемку с горизонтальной поверхностью шириной не более 1,5 м [6; 7]. Следы ливневых замывов и массы мешаного материкового грунта, перекрывшие эту выемку, свидетельствуют о том, что она была ликвидирована под воздействием, скорее всего, природных процессов размыва и оползания эрозированного склона. К сожалению, проследить эту выемку на других участках оказалось невозможно, т.к. склон тут был поврежден крупными промоинами и зарос старым лесом. Тем не менее, можно допускать, что выемка является следами древней дороги, проходившей по дну рва, а затем огибавшей по склону западный край стены, непосредственно под упомянутой выше оградой на западном краю городской площадки. Здесь мог размещаться ещё один въезд в город, правда, неясно, где именно такая дорожка могла выходить на саму площадку. Ещё более сложно сказать, как соотносился во времени и пространстве этот въезд с предполагаемым фронтальным проходом в стене. Если допустить, что в древности ширина уступа на склоне была несколько больше (чтобы по нему могла проехать телега), то именно он мог играть роль главного въезда в город. В этом случае оба проёма в валу надо рассматривать как созданные после разрушения стены.

В целом это вполне возможно, однако в отношении восточного проёма исследования ещё не завершены и потому окончательный вердикт выносить рано.

Исследования склонов городища

Но если допускать въезд по склону в обход западного края городской стены, то ещё более вероятны другие подъёмы в город по крутому склону, обращённому к Оке. Этот склон хорошо простреливается с площадки городища, так что для противника такой подъём можно расценивать как непреодолимый, тогда как в мирной жизни он мог быть организован по пологим пандусам. К сожалению, проверить такое предположение пока не представляется возможным, поскольку весь окский склон покрыт густой лесной растительностью и расчленён древними промоинами. Исследования 2011 г. под окончательностью мысовой площадки городища (на берегу Оки) показали, что с конца XII в. здесь происходил активный эрозионный смыв грунта со склона, причём перемещались даже крупные глыбы известняка, оторвавшиеся от известняковой платформы, лежащей в основании всего мыса. Если такая же эрозия проходила в период жизни города по всему склону городской площадки (а это не должно вызывать удивления, поскольку тут наверняка выпасался скот), то все следы подъёмов по этому склону могли быть уничтожены уже довольно давно. Участие в этом могли принимать и люди: известно, что весь береговой склон с выходами известняка в XIX – начале XX вв. использовался для добычи белого камня. Такие разработки неизбежно коренным образом изменяли древний рельеф.

С целью поиска возможных следов фортификационных сооружений на краю рассматриваемого склона в средней и северной части городского мыса закладывались специальные раскопы (рис. 1, № 5, 8), но, к сожалению, они не позволили найти таких следов. Хотя на этом краю встречены небольшие столбовые ямы,

так что какая-то легкая ограда тут вполне могла проходить, но более серьёзные сооружения пока не прослежены. Возможно, на краю столь крутого склона для защиты стрелков было достаточно и самого примитивного забора, тем не менее полное отсутствие фортификации тут вызывает некоторое удивление. Известно, что в Старой Рязани следы стены из городной были прослежены вдоль всего склона, обращённого к Оке [1, с. 56–61]. Да, Старая Рязань не сопоставима с Ростиславлем по статусу и экономическому потенциалу, но и последний также выполнял иногда столичные функции, поэтому отсутствие укреплений по этой стороне площадки всё же трудно объяснить.

Прорезка края склона к Оке в мысовой части городища показала, что эрозионные процессы тут весьма сильно повредили его, уничтожив следы от частокла, воздвигнутого в раннем железном веке, однако никаких свидетельств размещения тут оборонительных сооружений (в т. ч. эскарпа) в эпоху средневековья обнаружить не удалось. Склон тут на 22 м длины по горизонтали имеет падение на 8 м (рис. 3), т.е. уклон составляет 20–25 градусов. В нижней части этого склона уклон несколько выравнивается и перед резким падением склона имеется терраска шириной 4 м, которая опоясывает мысовую площадку, понижаясь к северу вместе с уровнем поверхности мыса. Прорезка этого склона и терраски показала, что здесь сохранился только довольно крутой склон материка, повреждённого эрозией (на большей части траншеи на нём нет даже следов древней почвы), а генезис современного уступа остался не вполне ясным (рис. 3).

Возможно, ответ на вопрос о происхождении такого уступа дали материалы раскопок на противоположном, восточном, склоне того же мыса, где имеется аналогичная терраска (рис. 1, № 9). Тут были обнаружены остатки полностью заплывшего культурным слоем рва шириной до 2,3 м и глубиной до 0,7 м, трасса которого

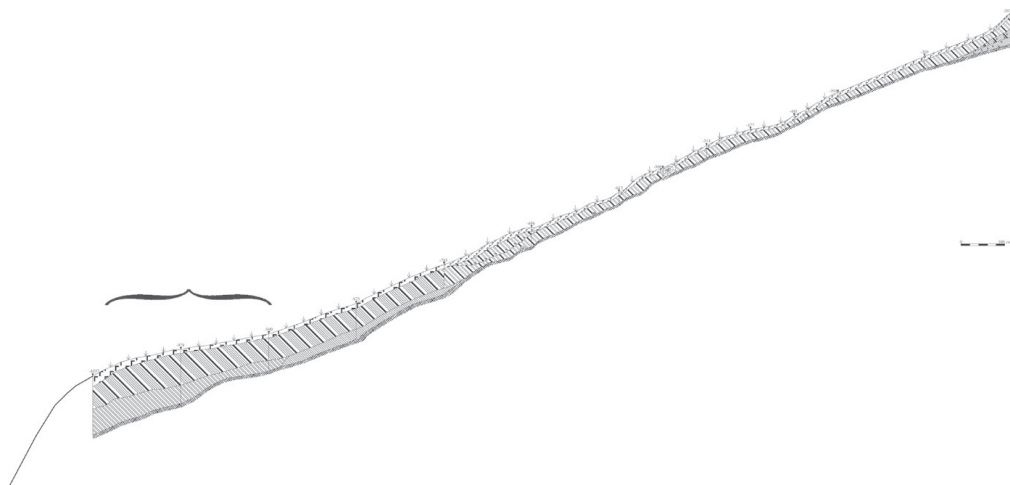

Рис. 3 / Fig. 3. Профиль склона мысовой площадки городища (см. рис. 1, № 8). Фигурной скобкой указан уступ на склоне / The profile of the slope promontory site of the hillfort (see fig. 1, No. 8). The curly brace indicates a ledge on a slope

Источник: данные авторов

проходила как раз под терраской. Судя по керамическому материалу из этого рва, он был засыпан в первые века новой эры, т. е. относился к эпохе раннего железного века. Видимо, после ликвидации этого рва естественным образом сформировалась терраска или уступ на склоне. Возможно, такой же ров был проведён и по западному склону мыса и именно он стал причиной формирования уступа. Правда, там ров не сохранился, но вызванное им изменение рельефа поверхности каким-то образом осталось существовать. Таким образом, высказывавшееся ранее предположение о том, что мысовая площадка была окружена эскарпом, как оказалось, было ошибочным – следы эскарпа здесь не найдены. Вместо этого обнаружен ров, который, вероятно, полукольцом охватывал мысовую площадку по склону. Надо отметить, что этот ров не смыкался со рвами городища раннего железного века по той причине, что возник существенно позже их, когда все такие рвы с напольной стороны городища были уже давно засыпаны. К моменту же возникновения древнерусского Ростислава этот ров также заплыл, сформировав терраску.

Эту терраску можно было использовать в качестве дорожки (даже двух дорожек по обеим сторонам мыса), по которым можно было пройти из города к стрелке мыса, чтобы оттуда подняться на мысовую площадку. Однако каких-либо следов подобного использования этих уступов на склонах при раскопках не обнаружено, что, впрочем, и не удивительно, поскольку эрозионные процессы наиболее активно происходили тут именно с XII по XV в.

Совершенно иными были результаты исследований восточного края основной площадки городища (рис. 1, № 6). Здесь на протяжении нескольких десятков метров в обнажении, вызванном современным овражком, разрушившем часть площадки, зафиксированы следы ленточного валика из красного материкового суглинка. Ширина этого валика, залегавшего на краю склона в овраг и частично в начале этого склона, составляла около 3–5 м, высота – до 1 м. Такой незначительный по размерам валик не мог быть следами древо-земляной стены, но он мог служить основой для размещения пустотелых клеток на краю площадки, своего рода бутафорской стены. О том, что тут

размещались именно деревянные конструкции, свидетельствует толстый (до 20 см) слой грунта, насыщенный древесным тленом, протянувшийся вдоль глиняного валика. Грунт, из которого был сложен этот валик, был взят, вероятно, на западном склоне городского мыса, поскольку именно там он был обнаружен в выходах, залегавших на 3–5 м ниже дневной поверхности площадки. Нельзя также исключать возможность того, что этот красный суглинок применялся для обмазки внешней стороны клетей, в этом случае часть обнаруженного «валика» могла представлять собой обвалившуюся обмазку. Поскольку под валиком был зафиксирован пахотный горизонт с материалами домонгольского времени, эта линия обороны могла возникнуть на протяжении XIII в. Возможно, она синхронна стене этапа 1 на главной оборонительной линии города.

Мысовая площадка («цитадель»)

Особое место в фортификации Ростиславля занимала мысовая площадка, занятая в своё время городищем раннего железного века. Её современные размеры составляют 50×25 м, но в древности они были несколько иными: западный её край сильно пострадал от эрозии, особенно в северной части. Тут обнаружены остатки двух крупных погребов, частично уничтоженных обрушениями склона. От одного из них сохранилось чуть более половины объёма, у второго эрозией почти полностью был срезан угол. Судя по этим повреждениям, можно уверенно говорить о том, что в древности край мысовой площадки отстоял на 3–5 м от современного. Вход на площадку, вероятно, был устроен по стрелке мыса, где крутизна подъёма была наименьшей.

От остальной площади города мысовая площадка отделялась валом высотой 4,5 м, насыпанным в эпоху раннего железного века, перед которым в древнерусское время был вырыт ров шириной 5 м и глубиной 2,5 м (при этом в эпоху раннего

железного века последняя реконструкция вала привела к полной засыпке рва перед ним, так что к моменту возникновения города никакого древнего рва перед валом первопоселенцы не обнаружили. Всё это было установлено в ходе многолетней прорезки вала (рис. 1, № 7). За период средневековья ров как минимум один раз перестраивался. Точная датировка более раннего рва невозможна, т.к. от него сохранился лишь незначительный фрагмент, но можно думать, что он был создан при основании города в 1153 г. Последний же по времени ров, судя по материалам из верхней части заполнения, был окончательно санивелирован в первой половине XV в. Начало засыпки этого рва, которое можно связать со второй половиной или концом XIV в., маркировалось отложением на его дне грунта, насыщенного древесным тленом. Возможно, древесина попала на дно рва в результате разборки деревянных стен из полых клетей или столбовой конструкции, поставленной на вершине древнего вала. К сожалению, эта вершина сильно повреждена грабительскими перекопами, уничтожившими все следы средневековой фортификации, поэтому установить конструкцию этих стен при прорезке вала не удалось.

Вдоль края мысовой площадки зафиксирована ограда типа намёта, состоявшая из больших деревянных столбов (от них остались глубокие ямы диаметром 0,5 м), между которыми могли быть горизонтально уложены брёвна длиной до 3 м [6, рис. 5].

Заключение

При первой публикации материалов прорезки вала и рва Ростиславля оставались ещё сомнения в том, не могла ли вкрасься ошибка в радиоуглеродную дату образца, взятого с поверхности пашни под первоначальной стеной. Поэтому на уровне допущения была сформулирована мысль о возможном существовании на месте рва какой-то полностью уничтоженной последующим строительством

«первоначальной» стены домонгольского времени [3, с. 85]. Сейчас, по мере накопления данных, после проведения исследований в ещё трёх местах на валу (рис. 1), такое предположение кажется всё менее реальным. Прежде всего, ни на одном из участков исследований вблизи городской стены не обнаружено застройки домонгольского времени. Единственный объект, который можно было бы так датировать, зафиксирован в районе второго (западного) проёма в валу – это конусовидная в разрезе яма со стакановидным углублением в дне, которую можно рассматривать в качестве примитивного ледника. Яма располагалась вплотную к валу, но не сопровождалась иными синхронными объектами, поэтому её присутствие тут остается загадочным.

Сегодня более вероятным представляется следующий сценарий развития города: в момент закладки города был вырыт ров перед валом древнего городища раннего железного века, по гребню которого, возможно, провели какую-то линию деревянных укреплений, скорее всего относительно легких (полые клетки или столбовая ограда). Периметр мыса также был обведён такой оградой. Ни малейших следов древо-земляных стен тут нет, да для них на маленькой площадке просто и не было места. Так древнее дьяковское городище стало выполнять роль цитадели городка, его единственного укрепленного центра. Городская застройка за пределами цитадели вполне могла быть защищена линией частокола, но обнаружить следы такой линии (канавы шириной 40–50 см) можно лишь по счастливой случайности, тем более, что проходила она явно не там, где позже появилась стена города. Судя по обнаруженной под этой стеной распашке, эти места размещались уже за пределами городской территории, хотя близ окского склона уже могли появляться какие-то усадьбы (свидетельством чему яма-ледник). Размеры застроенной в XII в. площадки пока в точности не установлены.

Аналогичное положение сохранялось и в XIII в., пока в конце этого столетия на месте нынешнего вала не была построена первая, достаточно мощная, древо-земляная стена, а перед ней выкопан ров. Нельзя исключать того, что это строительство произошло даже ещё позже – после 1300/1301 г., т. е. после потери Рязанским княжеством Коломны. Ещё недавно находившийся вдали от внешних границ Рязанской земли городок Ростиславль неожиданно превратился в пограничный город, который мог стать объектом нападения Москвы и в то же время превращался в опорный пункт борьбы княжества за возвращение Коломны. Такому городу требовались уже более мощные укрепления.

Однако обрушения краёв рва из-за ошибки первостроителей стены заставили вскоре (в начале – первой половине XIV в.) провести реконструкцию этого сооружения, расширив ров и возведя новую стену, внешний панцирь которой был опущен на дно рва. Не исключено, что это строительство как-то связано с превращением Ростиславля в 1342 г. в резиденцию Ярослава Александровича Пронского, получившего ярлык на Великое Рязанское княжение, но в процессе борьбы сжёгшего Переяславль Рязанский.

Во второй половине или даже конце XIV в. (в период правления Олега Ивановича Рязанского), когда прежняя стена стала приходить в ветхость, была проведена вторая перестройка, позволившая увеличить высоту стены и углубить ров. Наиболее вероятно связывать эту перестройку с рязано-московским противостоянием в 1380-х гг. Финал существования этой стены можно отнести к первой половине – середине XV в. В это время серьёзных военных конфликтов не происходило и надобности в постройке новой стены не возникало, а старая постепенно разрушалась и распадавалась.

Разумеется, это лишь вариант возможной периодизации фортификации Ростиславля, однако не противоречащий

имеющимся источником. Многие детали и особенности оборонительных сооружений города ещё неясны, но дальнейшие раскопки позволят получить новые данные для уточнения наших знаний в этой области.

Статья поступила в редакцию 24.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Даркевич В. П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 19–71.
2. Даркевич В. П., Борисевич Г. В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Кругъ, 1995. 448 с.
3. Коваль В. Ю. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // Российская археология. 2015. № 1. С. 73–87.
4. Коваль В. Ю. История Ростиславля Рязанского (по данным письменных источников) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2004. С. 12–21.
5. Коваль В. Ю. Оборонительные сооружения Ростиславля Рязанского в контексте исследований средневековой русской фортификации // Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. 2014. Вып. 236. С. 134–138.
6. Коваль В. Ю. Трансформация оборонительной системы малого города средневековой Руси Ростиславля Рязанского (новые данные по археологии) // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М. Д. Полубояриновой. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2017. С. 15–25.
7. Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Городские укрепления на склонах (новые данные по Ростиславлю Рязанскому) // Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. 2017. Вып. 249. Т. 2. С. 123–130.
8. Коваль В. Ю., Русаков П. Е. Новые исследования оборонительных сооружений Ростиславля Рязанского // Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. 2016. Вып. 242. С. 113–123.
9. Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII в. М.: Наука, 2009. 303 с.
10. Mordovin M. A. Várszervezet Kialakulása a Középkori Magyarországon, Csehországban És Lengyelországban a 10–12 Században. Budapest, 2016. 536 p.
11. Wolf M. A. Borcodi földvár. Egy államalapítás kori megyeszékhelyünk kutatása. Budapest – Miskolc – Szeden, 2019. 516 p.

REFERENCES

1. Darkevich V. P. [Excavations at the Southern Settlement of Old Ryazan (1966–1969)]. In: *Arkheologiya Ryzanskoi zemli* [Archeology of the Ryazan area]. Moscow, Nauka Publ., 1974. pp. 19–71.
2. Darkevich V. P., Borisevich G. V. *Drevnyaya stolitsa Ryzanskoi zemli* [The ancient capital of the Ryazan area]. Moscow, Krug" Publ., 1995. 448 p.
3. Koval' V. Yu. [The main line of the defensive fortifications of Rostislavl of Ryazan]. In: *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2015, no. 1, pp. 73–87.
4. Koval' V. Yu. [The History of Rostislavl of Ryazan (according to written sources)]. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region: Materials of the scientific seminar]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. pp. 12–21.
5. Koval' V. Yu. [Defensive structures of Rostislavl of Ryazan in the context of studies of Medieval Russian fortification]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], 2014, iss. 236, pp. 134–138.
6. Koval' V. Yu. [Defensive system transformation in the small town of Medieval Russia Rostislavl of Ryazan (new data on archeology)]. In: *Pamyatniki srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy. K yubileyu M. D. Poluboyarinovoi* [Monuments of medieval archeology of Eastern Europe. To the anniversary of M. D. Poluboyarinova]. Moscow, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017. pp. 15–25.
7. Koval' V. Yu., Rusakov P. E. [Urban fortifications on the slopes (new data on Rostislavl of Ryazan)]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], 2017, iss. 249, vol. 2, pp. 123–130.

8. Koval' V. Yu., Rusakov P. E. [New research of defensive structures of Rostislavl of Ryazan]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk* [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], 2016, iss. 242. pp. 113–123.
9. Morgunov Yu. Yu. *Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoi Rusi X– XIII v.* [Wood-earth fortifications of Southern Russia X–XIII c.]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 303 p.
10. Mordovin M. A. *Várszervezet Kialakulása a Középkori Magyarországon, Csehországban És Lengyelországban a 10–12 Században.* Budapest, 2016. 536 p.
11. Wolf M. A. *Borcodi földvár. Egy államalapítás kori megyeszékhelyünk kutatása.* Budapest – Miskolc – Szeden, 2019. 516 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры археологии, истории Древнего мира и средних веков факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Коваль Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии РАН;
e-mail: kovaloka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Archaeology, History of the Ancient World and the Middle Ages, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Vladimir Yu. Koval – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Medieval Archeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;
e-mail: kovaloka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коваль В. Ю., Николаева Н. А. Особенности фортификации Ростиславля Рязанского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. №1. С. 48–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-48-62

FOR CITATION

Koval V. Yu., Nikolaeva N. A. Features of the fortification of the town of Rostislavl Ryazansky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 1, pp. 48–62.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-1-48-62